

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЧНОСТЬ

Добролюбский А.О.

В ПОИСКАХ АНТИЧНОЙ ОДЕССЫ

Dobrolubsky A.O. About searchings of ancient Odessa.

The article offers a hypothesis that in VI-V centuries B.C. on the place of modern Odessa there was situated a big ancient town – Harbour of Histrians. It was an outpost of Histria in the Northern Black Sea region. But by the II c., when it is mentioned by Arrian, it turned into a small fishing village. Only a small part of the town is kept till present, this its necropolis. The town itself is now at the bottom of the sea.

Первая улыбка Судьбы. Осенью 1995 года мы с Олегом Губарем, писателем и краеведом, задумали устроить археологические раскопки в сквере у Оперного театра в Одессе. Мы не собирались искать на месте Одессы что-нибудь более древнее, чем она сама. Нам лишь хотелось покопаться в мусорных ямах знаменитой ресторации Отона, прославленной Пушкиным. Мы надеялись, что такие ямы сохранились до наших дней, и уповали на то, что в них будут содержаться предметы пушкинского обихода. Ранее Олег написал книгу о том, как великий поэт проводил время в Оперном театре и его окрестностях, и нам хотелось уточнить детали этого времяпрепровождения.

Мы полагали, что искомые мусорники должны быть археологически особенно обильными, если образуются при гостиницах и ресторанах. Их посетители порой выясняют отношения, бьют посуду, ломают мебель и пр. Все это неминуемо попадает на ближайшую мусорную свалку и может храниться там до тех пор, пока пытливые археологи будущего не откопают эти обломки — бесценные свидетельства быта и образа жизни минувших эпох. И тогда мы в музеях сможем с гордостью показывать своим детям тот самый бокал или же ту самую тарелку, которую **САМ ПУШКИН**, пригубивши лафита, запустил в голову заезжему карточному шулеру в казино отеля Рено.

Столь честолобивая цель наполняла наш археологический замысел еще и глубоким культурно-педагогическим смыслом. И хотя научное обоснование его могло бы показаться сомнительным, все же удалось убедить городские власти дать разрешение на эту затею. И нам с некоторым недоумением позволили разнообразить (или обезобразить) прелестный городской пейзаж близ театра пыльным котлованом, окруженным кучами земли и всевозможного стро-

ительного мусора.

Наши раскопки широко освещались в прессе и по телевидению. Общественность города нам симпатизировала. Вряд ли здесь есть смысл повторяться. Скажу лишь, что мусора, который бы остался непосредственно от Александра Сергеевича, отыскать пока не удалось. Зато мы обнаружили ступеньки дворца графа Ланжерона, по которым ступали и Пушкин, и государь Александр I, и граф Каподистрия, и другие знаменитые люди того времени. Предметом нашей особой гордости явились также следы ритуала закладки Одессы на дне упомянутого котлована. Этот ритуал совершили 22 августа 1794 года вице-адмирал Иосиф де Рибас со своим другом, генерал-поручиком Григорием Волконским. За три дня до этого, 19 августа, де Рибас вручил Волконскому «Открытый лист №1» — право на владение участком, который мы раскапывали. Затем они торжественно выпили у закладной траншеи и разбили на грядущее счастье будущего города свои бокалы об кирпичный фундамент первого одесского дома — дома Волконского. Археологические остатки этого возлияния в виде обломков бокалов, хрустального подноса, бутылочной пробки и закладной монеты — пятака 1784 года чекана, уложенного в траншею для фундамента и обозначающего место основания Одессы — выставлены сейчас в историко-краеведческом музее. И мы действительно можем их с гордостью показывать своим детям (Губарь, Добролюбский 1996: 17).

Разумеется, найти ритуал закладки города самим Иосифом де Рибасом — это больше, чем везение — это Улыбка Судьбы. А Судьба редко улыбается дважды и подряд. Поэтому нужно было прекратить раскопки. И мы, с многочисленными помощниками и болельщиками, в честь своей археологической победы с радос-

тью выпили вслед за де Рибасом и Волконским на том же самом месте, 201 год спустя. Мы разбили свои бокалы об открытую нами кирпичную отмостку первого одесского фундамента и ознаменовали этим новую эру в историко-археологическом изучении Одессы.

Раскоп законсервирован и засыпан. Здесь снова растут цветы. Быть может, еще через два столетия кто-нибудь также раскопает на этом месте следы и нашего ритуального возлияния и получит такое же удовольствие.

Культурный слой Одессы в месте раскопок представлял собой строительные напластования конца XVIII — середины XX в. и стратиграфически расчленялся преимущественно по сооружениям. С глубины 4 м среди находок стали попадаться обломки чернолаковой античной посуды, датировавшиеся V-III вв. до н.э. Это было удивительно и неожиданно. Тогда мы не поняли, что Судьба улыбается нам вторично.

Вторая улыбка Судьбы. Чернолаковым находкам мы вначале не поверили. Они были «слишком» античными, а мы — люди искушенные. Было ясно, что нам их подсунили. Такие шутки распространены в археологической среде и, несмотря на свой почтенный возраст, почитаются едва ли не самыми остроумными. Их цель — представить своего коллегу-раскопщика полуграмотным идиотом. Для этого лишь нужно тайно подложить какую-либо вещь в слой, который будет обрабатываться раскопщиками в ближайшее время. Любой археологически осведомленный человек может это сделать достаточно незаметно. По идее, мы должны найти эти подкидыши, убедиться в их подлинности, обрадоваться, как дети, и растрюбить о новом открытии. А шутники смогут злорадно предвкушать публичное разоблачение нашего махового невежества.

Но нам не хотелось оказаться в дурацком положении. К тому же обломков было не много — около двух десятков фрагментов. Они были красивы: донышки чернолаковых киликов с изящными пальметками, фрагменты краснофигурных стенок. Но известно, что чернолаковая посуда в греческом мире была предметом роскоши. И вероятность ее обнаружения в многократно перелопаченном слое XIX -XX вв. была ничтожна. Это усиливало нашу подозрительность. Ведь если бы мы действительно натолкнулись на остатки античного культурного слоя, то скорее бы следовало ожидать массового материала: обломков амфор, лепных сосудов и т.п. А их не было. Поэтому мы решили, что подлог вероятен, и не спешили радоваться этим фрагментам.

С другой стороны, находки, конечно же, могли оказаться и подлинными — они были разнообразны и не единичны. Тем более что недалеко от места раскопа, на Приморском бульваре еще в XIX в. были обнаружены античные изде-

лия. Они связывались с существованием здесь Гавани Истриан, отмеченной Флавием Аррианом, который в 134 г. н.э. составил «Перипл Понта Эвксинского» и описал расположение прибрежных населенных пунктов. У нынешней Лузановки им отмечен другой поселок, который многие антиковеды (Карышковский, Клейман 1985: 35-40) связывают с Гаванью Исиаков [Исиаки (асиаки) — скифское (?) племя, населявшее окрестности нынешнего Тилигула-Исиака (Асиака)]. Там также известно античное поселение, которое изучалось одесским археологом Э.И. Диамантом. Оно датируется IV-III вв. до н.э.*

Четверть века тому назад Эммануил Израилевич попытался найти культурный слой и Гавани Истриан на Приморском бульваре, где заложил шурф. Находки в шурфе подтвердили существование на этом месте в V-III вв. до н.э. небольшого античного поселка, что не противоречило сведениям Арриана (Диамант 1976: 204-212).

Обнаружение в нашем раскопе обломков роскошной посуды казалось странным — такая посуда могла содержаться лишь в напластованиях крупного и богатого города. Эти обломки никак не вписывались в представление о Гавани Истриан как о маленьком заштатном поселке. И они никак не могли сохраниться в столь многократно перекопанном слое. Да и было их слишком мало, чтобы о чем-то говорить.

Именно это я сказал самому увлеченному участнику раскопок, школьнику Андрею Красножону, который, желая стать археологом, решил написать сочинение о наших достижениях у Оперного театра. Он попросил меня дать ему сведения по теме «Античная Одесса» в связи с новыми находками. Я счел это занятие мало осмысленным, поскольку материала почти нет. А тот, что есть, — сомнительный. Однако мы все же решили, что для школьного сочинения это сойдет. И я механически стал ему подбирать литературу к сочинению на заданную тему — обычная работа учителя.

Устами младенца порой глаголет истина. Но мало кто этих младенцев слушает. В самом деле, историк-профессионал, хорошо представляющий себе научную ситуацию с изучением античности в Северном Причерноморье, никогда не стал бы этим заниматься всерьез. Работы Диаманта считались, мягко говоря, «игрой ума», не имеющей особого научного смысла. Наверное, нужно было увидеть ситуацию глазами заинтересованного ребенка. Так Судьба улыбнулась нам повторно — просто мы не сразу это заметили.

Просматривая разбросанные по различным изданиям сведения о находках античного времени на территории Одессы, я все более удивлялся их многочисленности. Эти сведения по-

* Локализация Гаваней Истриан и Исиаков спорна. Здесь мы, вслед за П.О.Карышковским и И.Б.Клейманом, помещаем Гавань Истриан на Приморском бульваре в Одессе.

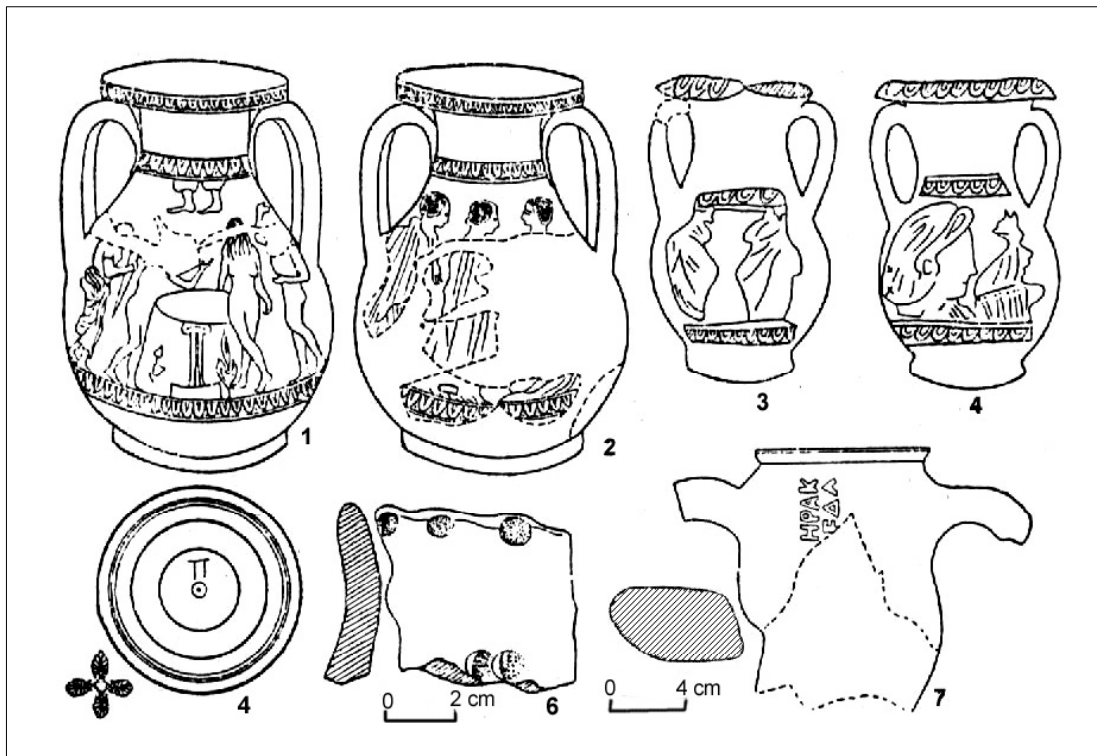

Рис.1. Находки V-III вв. до н.э. из Театрального переулка

являются уже с конца XVIII в. Позднее, в 1820-30-х гг., об этом писали И.П.Бларамберг и И.А.Стемпковский — основатели Одесского музея древностей. Сообщения о них публиковались в одесских газетах на протяжении всего XIX в. И если нанести эти находки на современный план Одессы, то окажется, что они почти повсеместны на территории между Военной и Карантинной балками от моря вплоть до улицы Греческой. Преимущественно, это фрагменты богатой чернолаковой и краснофигурной посуды. Особенно выделяется район Оперного театра. Здесь в 1826-31 гг. при строительстве обнаружены древние захоронения с медными и бронзовыми украшениями, амфоры с клеймами, расписные сосуды. На них изображены прелестные умывающиеся женщины (рис.1). Как сказано в «Одесском вестнике» (1827 г.), «...окрестности нашего театра составляют истинно классическую часть Одессы. Всякий раз, когда там роют землю, находят новые остатки греческих древностей». Упоминаются и скрытые при постройке домов курганы.

Примечательно, что на территории к юго-западу от Приморского бульвара нигде не отмечено строительных и хозяйственных остатков древнего культурного слоя — только богатые находки и могилы. Остатки же самого слоя известны только под бульваром. Это могло лишь означать, что центральная часть Одессы располагается на территории обширного античного могильника. На участке нашего раскопа этот могильник был потревожен еще при строитель-

стве первых одесских домов. Первые строители Одессы вполне могли бы в свое время увидеть античные обломки. Но с нашей стороны искать здесь остатки древнего культурного слоя было просто глупостью.

И вот почему. Строительство первого дома Волконского разрушило предшествующий культурный слой (если он там был). Затем этот дом перестраивался его следующим хозяином, бароном Рено. Сюда же вклинился флигель дворца Ланжерона. Позднее, в 1870-е гг., на этом месте был построен трехэтажный дом. Этот дом дожил до 1941 г., когда в него попала авиабомба. В конце 1940-х гг. остатки стен этого дома растащили. Здесь был разбит сквер. В 1960-х гг. тут размещалась скважина для подкачки жидкого стекла под Оперный театр. И, наконец, после реставрации театра сюда был завезен чернозем, образовавший поверхность ныне существующего сквера, которую мы решили потревожить. Очень трудно представить, чтобы предшествующий культурный слой, каким бы он ни был, мог здесь сохраниться после всех описанных событий.

Однако античный могильник, видимо, был настолько богат, что нам все же достались фрагменты содержавшихся в нем вещей. Несмотря ни на что. Удивительно не то, что находок было мало — напротив, странно, что их здесь сохранилось так много. И тогда сколько же их может обнаружиться, если копать на менее потревоженных одесскими строителями участках — под улицами, в скверах, во дворах и т.п.?

Ясно, что такой обширный могильник (не менее 40 га) мог быть оставлен лишь населением большого города. И от этого города должен был сохраниться мощный культурный слой. Между тем остатки такого слоя, изученные Э.И.Диамантом, указывают на существование здесь лишь небольшого поселка. И крупный некрополь (по территории он сопоставим с некрополем Ольвии) никак не мог быть оставлен скромными сельскими поселенцами. В таком случае, куда же этот город подевался?

Казалось, что он «уплыл в море». Действительно, морское побережье изменчиво, и район Одессы давно изучается палеогеографами. Известно, что берег в районе Одессы неуклонно отступает, а уровень моря — поднимается. Так, в середине 1 тыс. до н.э. этот уровень здесь был на 10-12 м ниже современного. Береговая же линия в районе нынешнего Приморского бульвара проходила примерно в 500 м мористее. Пересыпь в районе Хаджибейского лимана существовала лишь периодически, она временами размывалась — полностью или частично. Основная же часть древнего города вполне могла находиться на поглощенном ныне морем участке шириной около 0,5 км перед нынешним Приморским бульваром. Такая территория была достаточной для размещения на ней крупного по античным представлениям населенного пункта (рис.3).

Сказанное согласуется с имеющейся научной литературой (Брумяко, Карпов 1992: 87-97). Значит, здесь действительно существовал древнегреческий город с некрополем на степной окраине. Он всплыл в моем воображении ожившей реальностью. Это было сильное впечатление (Добролюбский, Красножон 1997: 91-94).

Впечатления следует проверять. Мы понимали, что наша догадка — лишь повод для размышлений. Если она верна, то как могло случиться, что мы первыми до этого додумались? Тем более что находки изделий античного времени, как выяснилось, ранее встречались едва ли не повсеместно при любых работах в Одесском порту. Пределы их распространения в целом соответствовали предполагаемой территории поглощенного морем древнего города — приблизительно 500 м от современной береговой линии. Получается, что все сведения согласуются и наши наблюдения обоснованы.

Оставалось непонятным и то, что такой большой город не был замечен его современниками, если не считать сообщения Арриана о Гавани Истриан. Но это сообщение оставлено в начале II в. н.э., примерно на 500-600 лет позднее того времени, на которое указывали археологические материалы. Оно не синхронно интересующему нас времени. Ведь Арриан составлял карту Понта Эвксинского для нужд своей эпохи. Принято считать, что он использовал более ранние сведения из ныне утраченных периплов. Эти соображения позволяют лишь

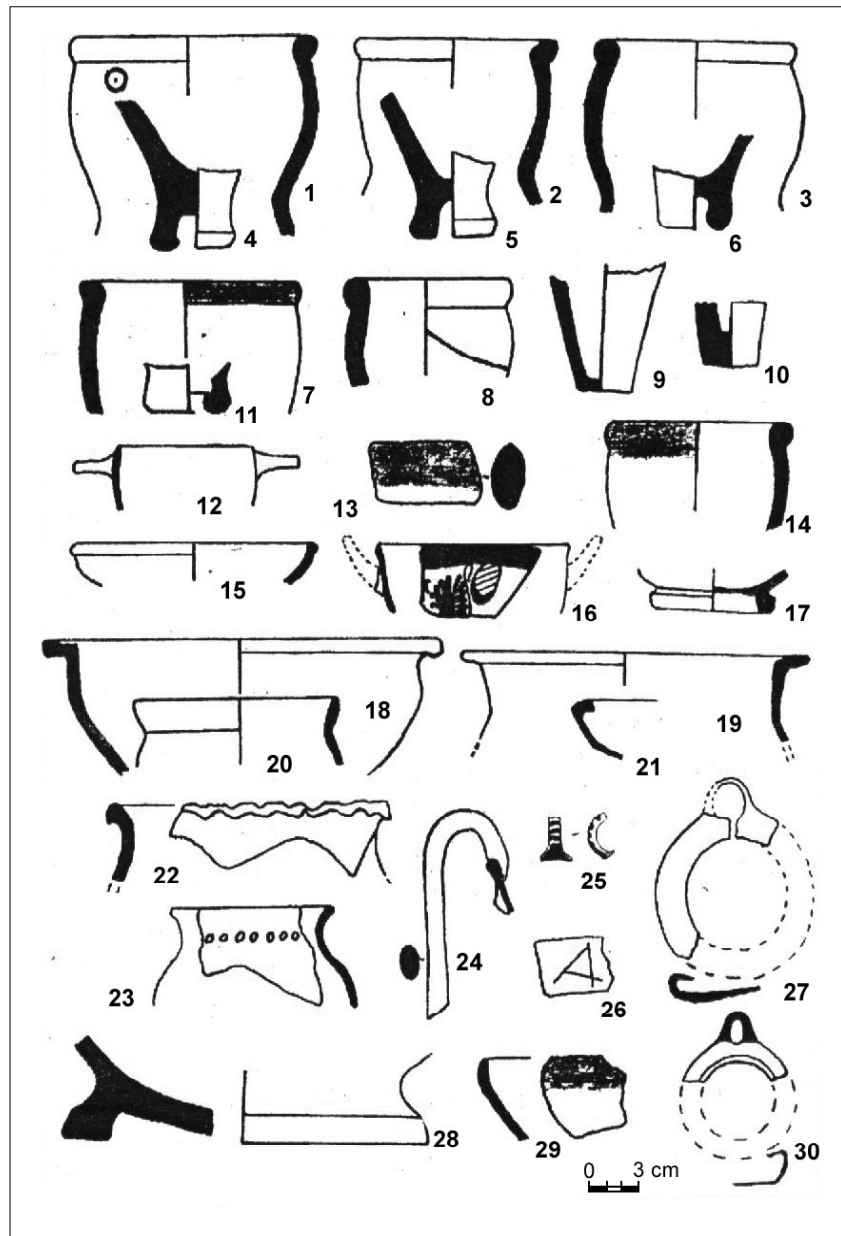
предполагать более давнее существование гаваней Истриан и Асиаков. Ныне же ясно одно — при Арриане Гавань Истриан была небольшим приморским поселком. Каким он был раньше — неизвестно.

Искушение Овидием и Геродотом. Действительно, наше впечатление о крупном городе V-III вв. до н.э. на месте Одессы никак не увязывается с другим впечатлением — об обстоятельной изученности античной эпохи в Северном Причерноморье.

Античные памятники привлекли к себе внимание еще с конца XVIII в. — со времени колонизации Россией причерноморских земель. Эти древности воспринимались русским образованным обществом, воспитанным на культуре классицизма, как что-то свое, почти родственное. Обаяние античной культурой оказалось всепроникающим. Всем хотелось поселить на отвоеванных у Турции территориях как можно больше античных героев. Первым сюда поселили Одиссея. Так, поэт В.В.Капнист был убежден, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях. Доказательство этому пытались найти и в начавшихся здесь археологических поисках. Сначала ими занялись военные, которых вскоре сменили увлеченные любители и ученые. Сложилась плеяда знатоков античного Причерноморья — таковыми были уже упоминавшиеся И.П.Бларамберг и И.А.Стемпковский, который в 1823 г. подал новороссийскому генерал-губернатору М.С.Воронцову записку: «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». Он писал: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей, как стараться спасти от забвения существующие в Отечестве нашем остатки образованности народов отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить... памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших».

Это отражало общее умонастроение. Уже со времен основания Одессы начались поиски гробницы Овидия. Напомню, что в 8 году н.э. Овидий был выслан императором Августом на далекую окраину античного мира — в город Томы на западном берегу Черного моря. Здесь он создал «Скорби» и «Послания с Понта». В Томах, кроме греков и римлян, жили скифы, геты, сарматы. Овидий как будто пробовал сочинять стихи на гетском языке. Не дождавшись амнистии, в 17 или в начале 18 года н.э. он умер и, вероятно, был похоронен на одном из городских кладбищ. Судьба Овидия была близка ссыльному Пушкину, который жаловался Н.И.Гнедичу: «Живу меж гетов и сарматов, никто не понимает меня». Об Овидии говорится и в первой главе «Евгения Онегина»:

Рис.2. Находки VI-V вв. до н.э. из раскопа у Воронцовского дворца

« ...Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей».

Если общество требует гробницу Овидия, то ее нужно найти. Так и сделали. В 1795 г. первый строитель Одессы Франц Деволян, при строительстве крепости на месте турецкого поселка Хаджидер на Днестре, наткнулся на древнюю могилу. Она была немедленно объявлена могилкой Овидия. О сенсационной находке русских солдат на Днестре оповестили мир петербургские и парижские газеты, доктор М. Гетри послал об этом три научных доклада обществу антиквариетов в Лондоне. Естественно, новая русская крепость получила имя ссыльного римского поэта. Хотя еще тогда академик Паллас доказал, что Овидий жил и умер значительно западнее.

Но ни для Пушкина, ни для всей литературной традиции эти доказательства никакого значения не имели. Всем было приятно думать, что Овидий жил именно здесь. И его имя сохранилось в названии современного нам городка-райцентра.

Это пример показывает острое желание соотносить легенды об античности с археологическими памятниками (Формозов 1979: 70-115). Так научные мифы закрепляются в культурном сознании, сохраняются в нем и сегодня. И вот почему.

В обиходном восприятии античная эпоха предстает ярким культурным явлением, цельным и характерным. Но при конкретном ее изучении цельность восприятия рассыпается. Ее продолжительность только в Причерноморье — более тысячелетия: первые греческие колонисты здесь появились с VII в. до н.э. А последние

остатки античных городов здесь были сметены в конце IV в. н.э. гуннским нашествием.

Письменные сведения обо всем этом тысячелетии в Северном Причерноморье содержатся в описаниях немногих древних авторов. Если эти данные распределить по периодам внутри античной эпохи, то они оказываются либо замаскированными друг у друга, либо оставленными задним числом, много столетий спустя после упоминаемых событий. Все эти сообщения требуют хронологической проверки и локализации.

Наши представления о Причерноморье в античную эпоху основаны на трудах Геродота, Страбона, Помпония Мелы, Птолемея, Арриана и др. Каждый из них привлекает к себе повышенное внимание ученых-антиковедов. Например, вряд ли можно сосчитать число трудов, посвященных Геродоту. Наследие «Отца истории» истолковано столь тщательно, что читать его самого стало как бы не обязательным. В этом я убедился и как преподаватель древней истории, и как член научной среды, которая воспроизводит такую традицию. Эта традиция заменила Геродота и, вольно или невольно, приписала ему те сообщения, которые в его тексте не содержатся.

Общезвестно, что в «Истории» Геродота книга 4 «Мельпомена» посвящена, в частности, описанию Скифии. Это единственный дошедший до нас нарративный источник V в. до н.э. Повышенный интерес к его изучению породил (как и в случае с Овидием) «искушение Геродотом» — острое желание сделать «Отца истории» очевидцем едва ли не всех происходивших здесь событий. Так, его заставили посетить Ольвию — миф, давно перекочевавший даже в учебную литературу. Хотя в тексте «Мельпомены» об этом решительно ничего не говорится.

Ольвия — законная гордость отечественного антиковедения. Она была обнаружена в конце XVIII в., первые попытки ее археологического исследования были предприняты в 1801 г. О ней стали писать И.П.Бларамберг, Д.Рошетт, П.Кёппен и В.В.Латышев, издавший ее греческие и латинские надписи. Развалины Ольвии оставались почти нетронутыми на протяжении всего XIX в. А с 1901 г. Б.В.Фармаковский начинает их планомерные исследования, которые и сегодня продолжают его преемниками. Ольвия давно стала образцовым памятником для изучения всей истории античного мира в Северо-Западном Причерноморье. Трудно удержаться от желания поселить сюда Геродота. И его поселили туда в связи с новеллой о скифском царе Скиле.

Другие свидетельства куда более поздние и более опосредованы. К ним можно отнести лишь вступление к речи Диона Хрисостома — бродячего оратора и философа I в. н.э. и, пожалуй, малоинформативный отрывок из сочинения ольвийского писателя Дионисия. Ольвия

также упоминается в «Сатурналиях» писателя V в. н.э. Макробия в связи с осадой города полководцем Александра Македонского Зопирионом. Вряд ли этот провинциальный сюжет попал бы в поле зрения Макробия, если бы Зопирион не исполнял широко задуманные планы великого царя (Виноградов 1989: 17).

Здесь перечислены все нарративные сведения об Ольвии. Сходная картина и с другими античными городами Северного Причерноморья. Геродот, таким образом, — единственный автор, оставивший нам о них синхронные для V в. до н.э. известия.

Что же это за известия? Нигде в тексте «Мельпомены» не содержится прямых упоминаний о греческих городах. Кроме «Торжища Борисфенитов», откуда Отец истории ведет свое повествование и «... которое находится в середине приморских земель всей Скифии». Здесь «первые живут каллипиды, кои суть эллино-скифы, а выше их другой народ, алазонами именуемый» — пишет Геродот. «...На другой же стороне Борисфена первая от моря земля есть Гилея; выше оной обитают скифы-земледельцы, коих эллины, живущие у реки Гипаниса и зовущие себя ольвиополитами, называют «борисфенитами» (Геродот, 4, 17-18). Это — единственный случай упоминания «ольвиополитов». Далее по тексту, в упомянутой новелле о Скиле, речь идет о городе Борисфенитов (Борисфене), который толкователи Геродота отождествили с Ольвией. Такое отождествление стало общепринятым и легло в основу всех последующих исследований. Так с Ольвией связали историю самого Скила. Ее уместно напомнить:

«... Был у скифского царя Ариапифа между прочими сыновьями сын Скил, родившийся не от туземки, но от истрианки, которая сама научила его эллинскому языку и наукам. По прошествии времени Ариапиф изменою был убит Спаргапифом, царем агафирсов; и Скил принял после него престол... Но и царствуя над скифами, Скил никак не любил скифского образа жизни, а склонялся больше к эллинским обычаям по причине данного ему воспитания... всякий раз, как ходил он со скифским войском в город борисфенитов (тех борисфенитов, кои называют себя милетянами), войско оставлял он в предместьи города, а сам входил в город, запирали ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, даже дом себе построил в Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок».

Очевидно, что об Ольвии здесь не сказано

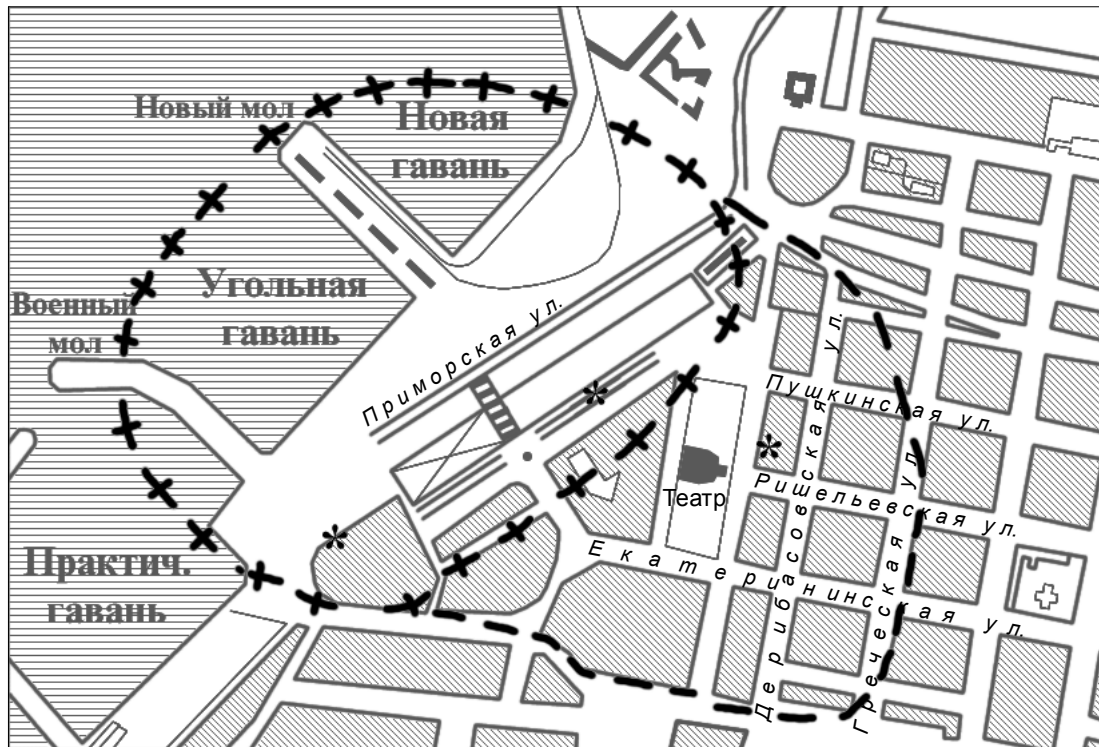
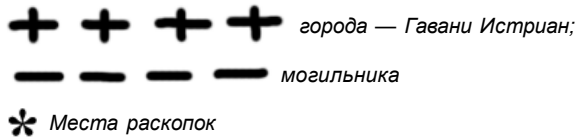

Рис.3. Схема распространения находок античного времени под исторической частью Одессы
Приблизительные контуры:

ни слова — речь идет лишь о торжище Борисфенитов. Именно в нем находился Геродот. Город же Борисфенитов сейчас едва ли не однозначно связывается с поселением на о. Березань. Сказанное лишь означает, что Геродот находился на Березани.

Получается, что переселение Геродота с Борисфена в Ольвию — историографическое недоразумение, из-за которого царь Скил вынужден предаваться своим вакханалиям и эллинофильству именно в Ольвии. Но Геродот не описывает Борисфениту вообще — для него она служат лишь декорацией, перед которой разыгрывается драма скифского царя. Тогда нет оснований искать прямые указания на существование и какого-либо иного города. Указания могут быть только косвенными и истолковываться лишь в едином контексте с иными сведениями о греческих городах V в. до н.э. Они нам даны эпиграфикой, нумизматикой, археологией. Но если Ольвия, Тира и прочие античные центры давно исследуются, то городу на месте Одессы просто не повезло.

Действительно, к концу XVIII в. большая часть античного города здесь была уничтожена морем. Поэтому здесь не было его руин. Антиковеды в период начальной городской застрой-

ки лишь обратили внимание на яркие античные находки в Одессе — это следует из научных и газетных сообщений. И никто тогда не мог знать современных данных об отступлении берега в районе Одессы с античных времен. К тому же раскопки античных памятников, после первого бума на рубеже XVIII-XIX вв., более нигде не проводились. Систематическое изучение Ольвии началось Б.В.Фармаковским лишь в 1901 г. — археология снова стала входить в моду. Но к тому времени вся центральная часть Одессы уже была застроена в почти современном виде (рис.3). Старая информация забылась, оказалась невостребованной.

Однако наш город явно существовал во времена Геродота. Тогда его историческое место может обозначиться лишь при пересмотре всех имеющихся данных об истории греческой колонизации Причерноморья. Если Ольвия или Борисфен для Геродота были лишь очевидным фоном рассказа о Скиле, то таким же фоном могла служить и Гавань Истриан. Неужели «Отец истории» нигде об этом не проговорился?

Эллины и варвары между Истром и Борисфеном. Как известно, первыми греческими колонистами Северо-Западного Понта были

выходцы из Милета, основавшие ранее всего (середина VII в. до н.э.) Истрию на острове к югу от дельты Дуная-Истра, а несколько позднее — торжище Борисфенитов (Борисфен) на острове (тогда полуострове) Березань в устье Днестро-Бугского лимана. Эти поселки стали пунктами дальнейшей колонизации греками западных и северопонтийских берегов, которая становится наиболее интенсивной к VI в. до н.э., особенно ко второй его половине. Так, борисфенитами на правом берегу Южно-Бугского лимана была основана Ольвия. Позднее, во второй половине VI века, возник и «город победы» Никокий на левом берегу Днестровского лимана. Примерно в то же время появилась Тира.

Накануне и в эпоху колонизации степные пространства между Нижним Дунаем и Днестром были заселены фракийцами. К востоку от Днестра жили скифы, племена которых перечисляет Геродот. Междуречье Дуная и Днестра было зоной скифо-гето-фракийского взаимодействия. Гето-фракийские элементы в материальной культуре этого времени прослеживаются на восток, до Ольвии. С другой стороны, скифские элементы наблюдаются здесь далеко на запад, вплоть до Добруджи. Города и поселки греческих колонистов, куда стало стремиться варварское население, превращаются в центры смешения перечисленных этносов — эллинов, гетов, фракийцев, скифов. При этом в VI в. ни одна из этнических общностей не обладала достаточными силами для завоевания здесь господствующего положения (Андрух 1995: 51-71).

Обстановка меняется к рубежу VI-V вв. до н.э., после похода Дария в 512 г. до н.э. (рис.4), который был начат с фракийской территории, а потому вряд ли осуществлялся без участия фракийцев (Щукин 1991: 103). Естественно, скифо-фракийские отношения осложнились, несмотря на многочисленные родственные связи тех и других. Самым мощным объединением фракийцев было царство Одрисов к югу от Дуная.

После победы над Дарием скифы усиливаются, их западная активность возрастает. Низовья Дуная, бывшие ранее только местом редких кочевий скифов, становятся зоной их интенсивного проникновения. Поход скифов в 496 г. до н.э. на Балканы был предпринят, согласно Геродоту, для отмщения персам и, видимо, фракийцам. Однако Одрисское царство сумело организовать отпор, скифы вынуждены были возвратиться на левый берег Дуная, а быть может, и отступить за Днестр.

Скифо-фракийское противостояние после похода Дария длилось до 480 г. до н.э. и закончилось взаимным признанием границ влияния и заключением династического брака между Ариапифом — царем скифов и дочерью одрисского царя Тереса. Тогда же был заключен еще один брак Ариапифа — с истрианкой. От этого брака и родился тот самый Скил, происхождение и судьба которого нас здесь занимают. Ведь

по времени рассказ Геродота соответствует расцвету древнегреческого города на месте Одессы. Если город существовал, то Скил не мог о нем не знать.

Нам ничего не известно о поведении греческих городов на понтийском побережье между Истром и Борисфеном во время нашествия Дария. По археологическим наблюдениям, в начале V в. до н.э. на сельских поселениях Побужья и Поднестровья жизнь замирает, начинается строительство оборонительных стен в Ольвии и Никокии. Это может означать ухудшение скифо-греческих отношений. Скифы разрушают сельскую округу, а сами города попадают от них в экономическую и политическую зависимость. Над ними устанавливается «варварский протекторат» (Виноградов 1989: 116-121). Городами стали управлять ставленники скифских царей либо сами цари.

Таковыми царями были и Ариапиф, и его сын Скил — «протекторы» Борисфениды, Ольвии, Никокия и, видимо, города на территории Одессы — Гавани Истриан. Подтвердить ее существование могли лишь новые раскопки на сохранившихся участках античного культурного слоя. Такой участок следовало найти.

Третья улыбка Судьбы. Казалось, что самым перспективным районом для поисков является Приморской бульвар. Лишь здесь были прослежены строительные остатки уничтоженной морем Гавани Истриан. Мы полагали, что культурный слой древнего города мог сохраниться здесь лишь в самой окраинной своей бывшей части, которая, видимо, непосредственно примыкала к некрополю, прослеживавшемуся уже в Театральном переулке. Это подтверждало и топографическое распределение находок, сделанных в XIX в., и сравнительно недавние работы Э.И.Диаманта.

Полностью сохранялась, таким образом, лишь территория некрополя (рис.3). Это — часть города между Военной и Карантинной балками. Она застроена, улицы замощены и заасфальтированы. Древние могилы можно искать лишь вслепую, а это ненадежно. Поэтому опасно было беспокоить городские власти очередной авантюрой. Искать следовало лишь с высокими шансами на успех. Просто так снова вырыть безобразный котлован в самом красивом месте Одессы нам никто более не позволит.

К тому же не было ясно, где его следует вырывать. Ведь Приморский бульвар неоднократно перестраивался, его склоны не раз нивелировались. Наименее потревоженным выглядел склон обрыва у Воронцовского дворца. На рисунках 20-30-х гг. XIX в., сделанных со стороны моря, можно видеть верхнюю часть склона — каменную стену под зданием дворца и колоннадой. Они выглядят так же, как сегодня. Значит, именно этот район берега не изменялся со времени строительства Воронцовского дворца.

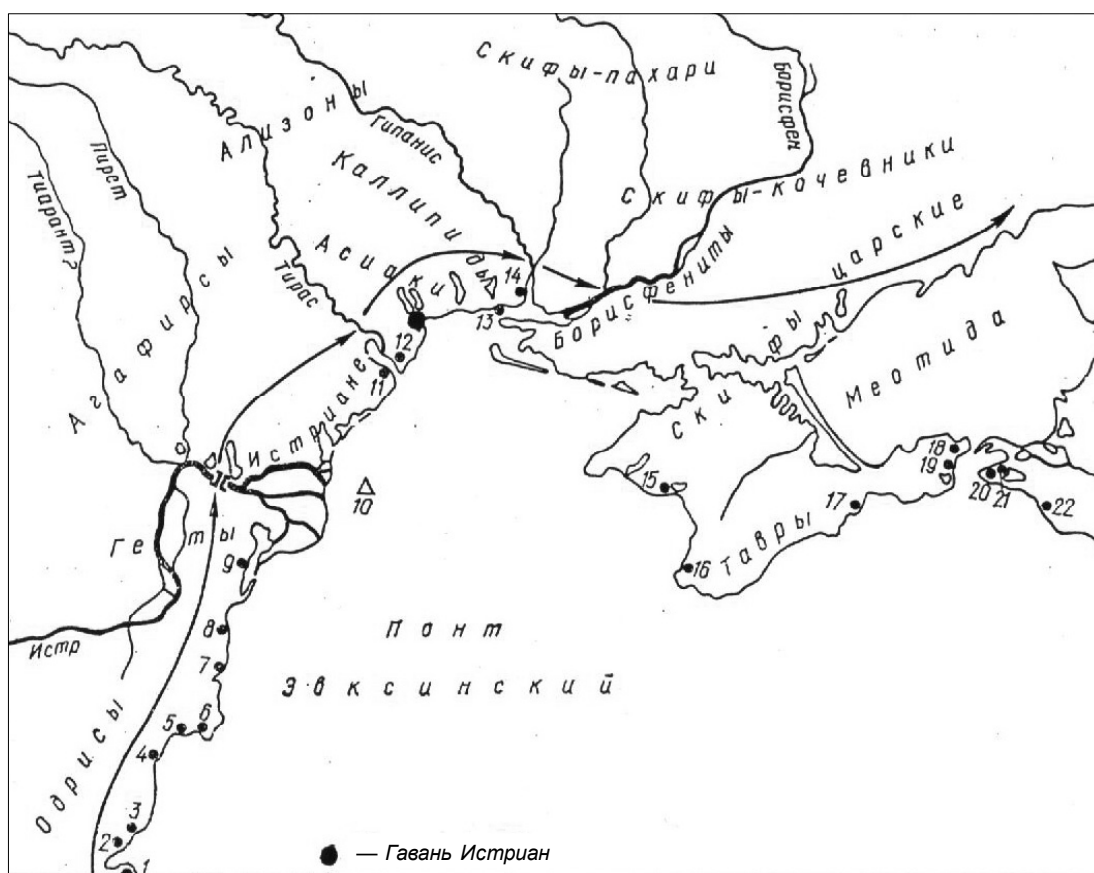

Рис.4. Северо-Западное Причерноморье во времена Дария и Скила (по П.О.Карышковскому).

Место для поисков культурного слоя здесь казалось самым привлекательным. Тем более что в районе дворца и ранее находили обломки античных сосудов. Об этом мне двадцать лет назад рассказал мой учитель, П. О. Карышковский, когда мы с ним сидели на этом обрыве и, прячась в кустах от милицейских патрулей, пили вино из бутылки, любуясь акваторией Одесской бухты. У Петра Осиповича была изумительная историческая интуиция. Тогда он мне сообщил, что две с половиной тысячи лет назад, на этом же месте, такие же, как мы, только древние греки, так же сидели и пили вино из амфоры, любуясь дивной акваторией своей Гавани Истриан. Но патрули их не гоняли.

Профессор П.О.Карышковский не ошибался никогда. Значит, город был здесь. Здесь и следовало копать.

Впрочем, и это место могло оказаться неудачным — именно здесь находилась та самая Хаджибейская крепость, которая была захвачена Иосифом де Рибасом в 1789 г. и впоследствии разрушена. Это могло означать, что крепость должна была уничтожить искомым античный слой. И при раскопках мы столкнемся лишь с разрушениями турецкого Хаджибея, что нас в данном случае слабо возбуждало.

Наши хрупкие надежды питали также открытия одесских коллекционеров. Этих несчастных обычно гонят прочь от раскопов, поскольку

они склонны украсть самое ценное. И это бывает. Но в наших условиях гнать их глупо и бесполезно — раскопы никак не охраняются, они общедоступны, и каждый желающий может в них ковыряться сколько угодно после окончания археологического «рабочего дня». Поэтому мы с Олегом давно решили не бороться со стихией, а пытаться ее использовать.

Коллекционеры — владельцы бесценной и неведомой информации. Они внимательно следят за всеми строительными и реставрационными работами в Одессе. По качеству сведений частные коллекции порой немногим уступают музейным (Коциевский 1995). Нам даже подарили множество обломков античной посуды VII-VI вв. до н.э. и показали истрийские монеты V-IV вв. до н.э. с территории Одессы.

По слухам, при недавнем строительстве памятника Глушко перед Воронцовским дворцом был вырыт котлован, где обнажился культурный слой, содержащий обломки античной посуды, а также клад истрийских монет-«колесиков». На это строители памятника, естественно, не обратили никакого внимания. Коллекционеры стали их собирать. Никто эту деятельность никогда не афишировал — формально она считается почти уголовной, хотя происходит прямо «на глазах у изумленной толпы». В Тире и Никонии — грабеж повальный и организованный. Поэтому раскопки под памятником

Глушко могут считаться невинными играми.

Поэтому мы решили искать счастье между Воронцовским дворцом и памятником Глушко. И Судьба нам снова улыбнулась. На том самом месте, где некогда сидел профессор Карышковский и рассказывал о Гавани Истриан, мы нашли обломок расписного сосудика, и, зачистив верхнюю часть склона, обнаружили непотревоженный античный слой. Он сохранился в виде нескольких хозяйственных ям, которые в свое, еще античное, время были заброшены жителями и превращены в мусорники.

Античный слой перекрывался строительными остатками XVIII в., содержащими фрагменты поливной турецкой посуды. Их датировка соответствовала времени существования здесь Хаджибейской крепости. Эти остатки защитили античный слой от позднейшего строительства, они частично перерезались слоями мусора XIX и XX вв.

Так павшая Хаджибейская крепость сберегла для нас мусорные ямы античного времени, содержавшие более 3000 разнообразных обломков античной посуды VII-IV вв. до н.э. Встречено много амфорного боя, в том числе и с граффити. Большинство изделий было произведено в Ионийской Греции, на островах Лесбос и Хиос, встречаются вещи из Синопы и Аттики. В целом состав находок довольно обычен для крупного северопонтийского центра того времени — это фрагменты киликов, скифосов, мисок, тарелок, кубков, кратеров, пелик, светильников, кувшинов, лутериев и т.п. Широко представлена чернолаковая (и расписная) керамика, столовая светлоглинянная и лепная — «скифского» и «фракийского» облика. Датирующие находки позволяли отнести время образования наших мусорников ко второй половине VII — VI в. до н.э. Среди находок попадались обломки кувшинов с высокоподнятой ручкой. Такая посуда характерна для производства Истрии (Красножон 1997: 161-165) (рис.2). Ямы были вырезаны в материке. Значит, искомая Гавань Истриан здесь возникла не позднее второй половины VII в. до н.э. Она была, таким образом, старше Ольвии, Тиры, Никония, ровесницей Борисфена и, видимо, дочерью придунайской Истрии.

Полученные сведения означали, что античный город на месте Одессы возник в самом начале греческой колонизации. Состав находок из слоя позволял предполагать его изначальное истрийско-фракийское происхождение. Расцвет города приходится на вторую половину VI — первую половину V в. до н.э. Видимо, истриане и фракийцы продолжали сохранять здесь свое влияние и позднее — об этом, помимо керамики, говорят истрийские монеты V-IV вв. до н.э. Однако сохранение такого влияния не увязывалось с впечатлением о резком усилении здесь скифов после разгрома Дария и установлением их господства над Ольвией и другими греческими полисами.

Бегство Скила из Гавани Истриан. Снова попытаемся представить себе место Гавани Истриан на фоне исторической обстановки между Истром и Борисфеном. Сведения туманны, они извлекаются из рассказа Геродота о Скиле и переплетаются с отрывочными археологическими и нумизматическими наблюдениями. Связь фактов и событий не очевидна, кажется парадоксальной, улавливается с трудом и всегда неожиданно. Видимо, здесь требуется детективное источниковедческое мышление.

Рассказ о Скиле хронологически соответствует первой половине V в. до н.э. — времени «варварского протектората». Это время скифофракийского противостояния, которое примерно к 480 г. закончилось примирением Тереса с Ариапифом и династическими браками последнего с фракиянкой и истрианкой. Вероятно, встретив сопротивление на юго-западе, скифы переориентируются и нападают на земли агафирсов, с которым они и ранее враждовали. Геродот сообщает, что Ариапиф — отец Скила — погиб от руки Спаргапифа, царя агафирсов, которые были соседями скифов, начиная от Истра [4, 100]. Находки в Молдове скифских погребений и оружия конца VI-V вв. до н.э. свидетельствуют о проникновении сюда скифов. Видимо, во время похода Дария агафирсы были на стороне персов. После его разгрома они оказались как бы в политической изоляции (Андрух 1995). Как бы там ни было, ясно, что агафирсы соседствовали с востока со скифскими племенами алазонов и каллипидов (по Геродоту). Эти племена входили в царство Ариапифа, которое и унаследовал Скил. Его владения располагались между Тирасом и Гипанисом (рис.4).

Пребывание Скила в Борисфене (неважно, был ли Борисфен Березанью или Ольвией) подтверждает эту локализацию: каллипиды были для греков-борисфенитов ближайшими соседями. Они же, видимо, осуществляли над Борисфеном свой «варварский протекторат». Другие, западные пределы владений Скила находились у Тираса. Так, в Никонии были найдены монеты с его именем. На аверсе этих монет изображена сова и имя Скила, а на реверсе — колесо, один из древнейших солярных символов. Эти монеты позволяют утверждать, что Скил властвовал не только над Борисфеном, но и над Никонием. Они датируются второй четвертью V в. до н.э. (рис.6). Другим свидетельством деятельности Скила является его перстень, найденный в Добрудже, близ Истрии, места его гибели (Виноградов 1980). Попытаемся соотнести все эти сведения.

Установлено, что в Истрии, Борисфене и Ольвии в VI-V вв. до н.э. функции денег выполняли электроновые монеты, главным образом, чеканки города Кизика — «кизикины», а на местных рынках обращались бронзовые монеты необычных для Эллады видов — анонимные

литые наконечники двухлопастных стрел, ольвийские дельфиновидные слитки, круглые истрийские монеты с изображением колеса — такого же, как и на монетах царя Скила из Никонии (Карышковский 1988: 27-49).

Выпуск монет Скила в Никонии, находка его перстня близ Истрии и истрийское происхождение Скила по матери — это достаточно прямые сведения о тесной связи этого скифского царя с истрийско-фракийским миром, которая предполагает и соответствующую культурно-политическую ориентацию. И мы знаем, что Скил был обвинен скифами в эллинофильстве. «...И когда после сего Скил возвратился во владения свои, — пишет Геродот, — то скифы восстали против него, избравши предводителем брата его Октамасада, что рожден был от дочери Тереевой. Скил, узнав о случившемся и о причине, почему сие сделалось, бежал во Фракию. Октамасад, о сем уведомясь, пошел на Фракию войною. Когда достиг он Истра, вышли ему навстречу фракияне и готовы уже были вступить в битву, как Ситалк послал сказать Октамасаду: «Что нам испытывать счастье? Ты сын моей сестры; у тебя находится мой брат, отдай мне его, и я отдам тебе твоего Скила. Опасностям же войны не будем подвергать себя ни ты, ни я»... Октамасад одобрил предложение и, отдав Ситалку своего дядю по матери, получил от Ситалка брата своего Скила. И Ситалк удалился с братом, а Октамасад там же, немедленно отрубил Скилу голову». Это, видимо, произошло недалеко от того места, где был найден перстень Скила.

Налицо этнокультурная коллизия — истрийско-эллинская ориентация Скила не соответствовала общескифским умонастроениям. К власти вместо Скила — сына истриянки — приходит Октамасад, его единокровный брат и сын фракиянки. Мы видим сглаживание скифо-фракийских отношений и ухудшение скифо-истрийских на фоне лояльных взаимоотношений скифов с Борисфеном и, видимо, Ольвией.

Выше отмечалось, что к началу V в. до н.э. обрывается жизнь на сельских поселениях Побужья и Поднестровья, начинается строительство оборонительных стен в Ольвии и Никонии. Скифы стремятся установить над ними свой «протекторат». В Ольвии выпускаются монеты с именами ΑΠΙΕ, ΕΜΙΝΑΚΟ, в которых можно видеть варварских ставленников скифских царей (Карышковский 1988: 49-57).

Эмиссия первых серебряных монет Ольвии с именем Эминака отразила ее потребность в собственной монете. Она явилась ответом на предшествующий ей по времени выпуск серебряных монет Истрии, которые ко второй половине V в. до н.э. широко распространились в Северо-Западном Понте. На аверсе монет Эминака изображен коленапреклоненный Геракл, а на реверсе — солярное колесо, окруженное четьрьмя дельфинами. Если в колесе и дельфи-

нах можно видеть одну из эмблем этого полиса, то на аверсе представлен основной эпизод скифской этногонической легенды — «натягивание» лука или приведение его в боевую готовность

Греческое происхождение легенды о Скифе, сыне Геракла, натягивающего лук, изображенной на ольвийской серебряной монете, а также негреческое имя Эминака позволяют полагать, что Эминак был царем или предводителем одного из скифских племен, живших со второй трети V в. до н.э. близ Ольвии. Значит, монеты Эминака доказывают усиление скифского протектората над Ольвией и, видимо, Борисфеном после казни Скила, которая произошла примерно в 450 году (Виноградов 1980).

В Никонии же, наряду со строительством оборонительных стен, распространены монеты Скила — скифского царя с истрийской ориентацией. Сова на аверсе может означать ориентацию на Афины, причем в годы формирования Афинского морского союза. Эллинофильство Скила обусловлено не только происхождением и воспитанием, оно проявляется в определенной, антискифской политике. Протекторат Скила над Никонией оказывается не таким уже «варварским» — он отражал истрийско-афинскую политическую линию, которой Ольвия тогда, видимо, не придерживалась.

Истрийские симпатии Скила уже обратили на себя внимание. «Скил намеревался строить на базе греческого Никония свою, независимую от Ольвии, торговую и финансовую политику...», а потому он «стал жертвой интриг ольвиополитов, договорившихся со скифской верхушкой о замене его «настоящим скифом» (Андрух 1995: 61). Опора Скила на Никоний выглядит естественной при учете, что этот город был основан Истрией во второй половине VI в. до н.э. Тогда при его правлении город должен был противопоставлять себя Ольвии. Не исключено, что именно против скифов в Никонии были построены оборонительные сооружения.

Сказанное означает, что в Скифии около 450 г. до н.э. произошел государственный переворот — свержение истрийско-эллинской «партии» скифо-ольвийской оппозицией, которая при этом сумела замирить сочувствующих Скилу фракийцев в лице их царя Ситалка. Скифы закрепляются в Ольвии и Борисфене. Это выразилось в серебряных монетах Эминака — ольвийском ответе на эмиссию серебряных монет Истрии.

Действительно, к тому времени истрийские монеты, известные в Северном Причерноморье с рубежа VI-V вв. до н.э., распространяются здесь еще более широко. Зонами их концентрации являются районы Истрии и Никония. Такая ситуация характерна для всего V в. до н.э. Наблюдается она и в дальнейшем.

Большинство истрийских монет — медные «колесики», наибольшее число которых найде-

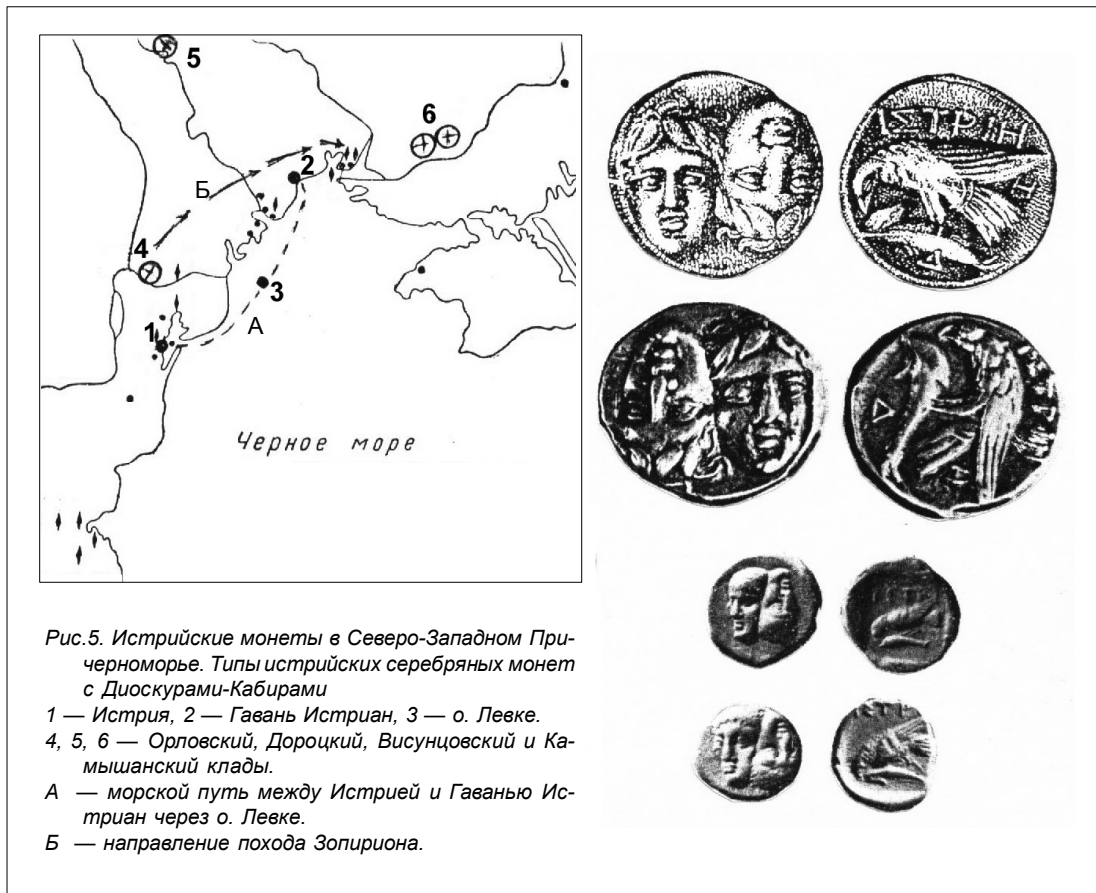

Рис.5. Истрийские монеты в Северо-Западном Причерноморье. Типы истрийских серебряных монет с Диоскурами-Кабирами

1 — Истрия, 2 — Гавань Истриан, 3 — о. Левке.

4, 5, 6 — Орловский, Дороцкий, Висунцовский и Камышанский клады.

А — морской путь между Истрией и Гаванью Истриан через о. Левке.

Б — направление похода Зопириона.

но в Истрии и Никонии, а также в различных пунктах черноморского побережья вплоть до Ольвии (рис.5). Таков же ареал и серебряных монет (с Диоскурами), выпуск которых в Истрии начался значительно раньше, чем в Ольвии. Именно они играли едва ли не самую существенную роль в торговле Северо-Западного Причерноморья. Этим монетам даже стали подражать на местах, они глубоко проникали в варварскую среду.

Монеты же других городов — Ольвии или Тиры — проникали в гето-фракийскую и скифскую среду лишь изредка — Истрия играла ведущую роль в экономике и торговле региона. В связи с этим понятен выпуск ольвийской серебряной монеты как ответ на истрийскую монетную «экспансию». Такой ответ стал возможен лишь под сильным скифским протекторатом и после свержения «истриофильского» царя Скила.

Концентрация упомянутых «колесиков» и серебряных драхм в приморской части между речья Днестра и Ю.Буга предполагает существование здесь достаточно крупных истрийских центров. Таковым был Никоний, где найдено несколько сотен медных «колесиков» и серебряные драхмы. Между тем обнаруженная нами Гавань Истриан, по самым скромным подсчетам, оказывается по размеру куда больше Ни-

кония. Кроме того, здесь также были найдены истрийские «колесики» под памятником Глушко. В частных коллекциях оказались и экземпляры редких истрийских серебряных драхм с Диоскурами, найденные в Одессе. Это значит, что и здесь располагался один из крупнейших центров истрийского влияния в Северо-Западном Понте.

Итак, территория распространения монет Истрии наполняется реальным историко-политическим, экономическим и этнокультурным содержанием. Опорными пунктами «граждан города Истрии» к востоку от Днестра были основанные ими ранее Никоний и Гавань Истриан. Видимо, здесь был восточный рубеж истрийско-фракийского влияния. Это совпадает с заключениями археологов о западной границе Ольвийского полиса в V-IV вв. до н.э. — она находилась у нынешнего Хаджибейского лимана.

Обнаружение истрийских опорных пунктов в царстве Скила объясняет возможность его стремительного бегства во Фракию. Вряд ли он мог бежать сухопутным путем — его неминуемо бы поймали люди Октамасада. Но Скил имел сторонников в Гавани Истриан, которые тайно переправили его морем в Истрию, под защиту фракийцев Ситалка. Логично предположить, что Скил бежал от своих преследователей именно отсюда. Гавань Истриан, крупный город в цент-

ре его владений, мог надежно укрыть царственного беглеца от скифской погони. Но он не смог уберечь его от судьбы.

Две Истрии под знаком Диоскуров. Предположение о существовании второй, дочерней Истрии на берегу нынешнего Одесского залива допускают значительные размеры открытого нами города VII-IV вв. до н.э., который лишь ко II в. н.э. превратился в захудалую Гавань Истриан. Его расположение в центре Скилова царства и, видимо, немалое значение могут объяснить и матримониальный выбор Ариапифа — брак с истрианкой, но не туземкой, как подчеркивает Геродот, но эллинкой, горожанкой. В таком случае, очень вероятно, что она происходила из «одесской» Истрии. Если это так, то, с точки зрения «одесского патриотизма», Скил родился и вырос в Одессе, где получил соответствующее воспитание. Оно его впоследствии и погубило.

Морской путь из Гавани Истриан, или дочерней Истрии в материанскую Истрию в пролегал через остров Змеиный (Левке), где располагалось святилище Ахилла. Не исключено, что Скил при своем бегстве там побывал. Ясно, что военно-политический контроль над островом, освящаемый именем самого Ахилла, был чрезвычайно важен для торговцев и мореплавателей (рис.5). Флавий Арриан хорошо знал, что на Левке заезжали не только случайно заплывающие моряки, но и специально для поклонения герою. «... Некоторые рассказывают, — пишет Арриан, — что Ахилл является им наяву на мачте или в конце реи, подобно Диоскурам. Ахилл только в том, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову» (Охотников, Островерхов 1993: 107).

В этом свидетельстве Арриана, описавшего защитные (сотерические) функции Ахилла по отношению к мореплавателям, названы и Диоскуры, изображение которых украшает аверсную сторону серебряных истрийских монет. И, если это так, то мы столкнулись с очень важным совпадением.

Общеизвестно, что аверс монеты представляет герб города или государства, его смысл, назначение и символику. Если на аверсе истрийских серебряных монет V-IV вв. до н.э. изображены именно Диоскуры, то ясно, что именно они олицетворяли в сознании истриан основную сущность и функции их полиса. Естественно, что и в этом случае функции Диоскуров также были сотерическими — защищающего божества.

Миф о Диоскурах символизирует смену и организующую взаимосвязь жизни и смерти, света и тьмы. Их культ в классическую эпоху носил всегреческий характер — именно эти герои пользовались наибольшей благосклонностью Зевса (Грейвс 1992: 193-195). В этом смысле

Диоскуры превосходили Геракла в эллинском сознании. Ощущение такого превосходства можно обнаружить в аверсной символике двух соперничавших полисов — Истрии и Ольвии — на серебряных монетах V в. до н.э. Взаимная оппозиция налицо — Диоскуры на истрийских монетах противостоят Гераклу на ольвийских. Исходное превосходство Диоскуров над Гераклом может казаться очевидным каждому эллину — ведь не кто иной, как Кастор обучил Геракла искусству рукопашного боя.

Противопоставление сотерических функций Диоскуров и Геракла показывает и их взаимную заменяемость. Диоскуры считались самыми искусными укротителями коней, кулачными бойцами, покровителями в битвах и спасителями при кораблекрушениях. Изображались Диоскуры прекрасными юношами, в овальных шапках, часто с конями. Ясно, что их могущество было достаточным для защиты любой полисной государственности. И, в случае соперничества Истрии и Ольвии, противопоставление Диоскуров Гераклу могло вполне отражать и политическое противостояние.

Между тем аверсные изображения на истрийском серебре V-IV вв. до н.э. отличаются от канонических изображений Диоскуров. Здесь — головы двух безбородых молодых мужчин, соединенные между собой таким образом, что одна из них (обычно находящаяся справа от зрителя) изображена в перевернутом положении (рис.5).

Гипотезы о семантике истрийских голов разнообразны. Предполагалось, что головы являются изображениями разных устьев Истра, что это река и Черное море, куда она впадает; или два течения близ устьев Дуная; или два вида плавания — по бурному морю и по спокойной реке. В связи с нашим сюжетом отметим мнение, что головы на монетах символизируют отдельно город Истрию и отдельно ее гавань — в нашем случае, Гавань Истриан (Алексеев 1982). Давались и другие объяснения — это Аполлон-Гелий, олицетворявший двумя головами восходящее и заходящее солнце, или двуликий Борей, или безымянные боги ветров, господствующих в устьях Дуная, неизвестные гето-фракийские небожители. Однако большинство предположений основано на том, что на аверсе истрийских монет изображены именно божества-близнецы Диоскуры.

Очевидно, что, как и другие боги, Диоскуры вполне отвечали едва ли не любым требованиям, в зависимости от ситуации. И неудивительно, что в Истрии, находившейся на фракийских землях, Близнецы-Диоскуры стали приобретать местные черты — фракийских богов-близнецов Кабири (Алексеев 1982: 106-114).

Кабиры, или «самофракийские» боги, считались сыновьями Гефеста. Они были связаны с подземным огнем, рудными богатствами, кузнечным делом, покровительствовали виног-

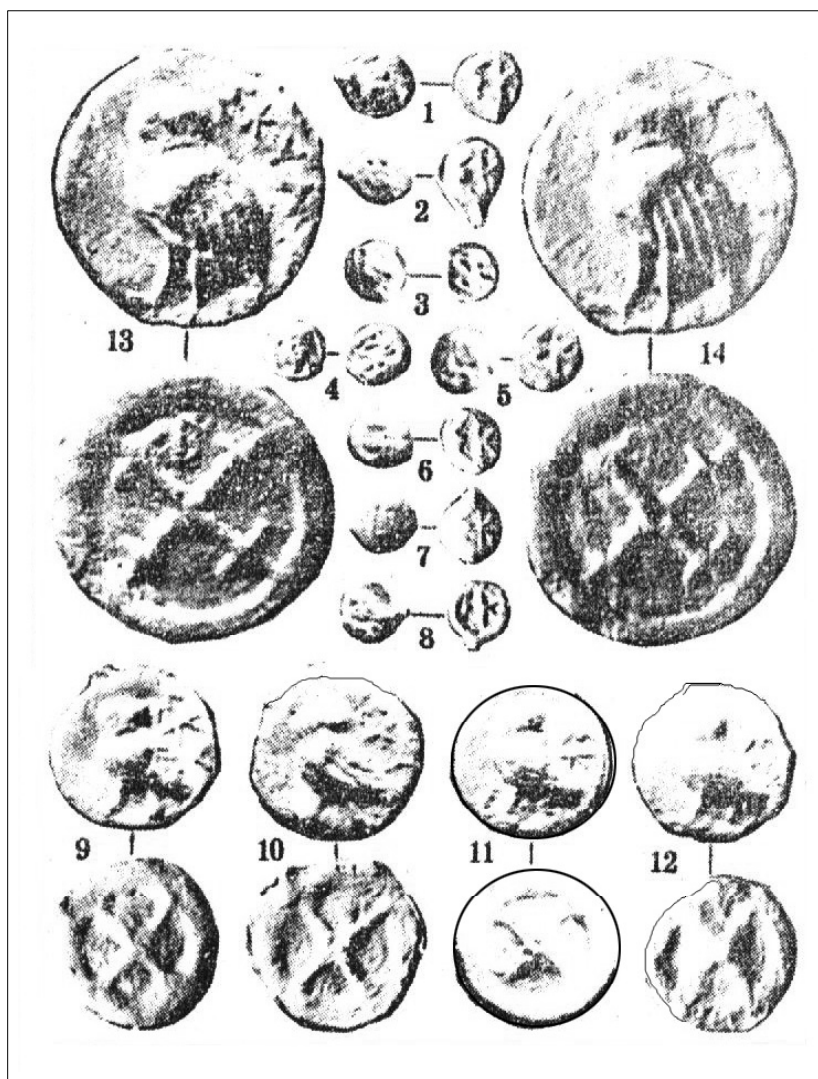

Рис. 6. Монеты царя Скила из Никония и образцы истрийских монет-«колесиков».

радарству и мореплаванию. Кабиров сближали в древности — образы этих божественных пар иногда сливались полностью. Кабиры часто изображались на монетах городов тех областей, которые были центрами металлургии. Истрия была одним из таких центров, и изображение Кабиров-Диоскуров на аверсе ее монет кажется вполне естественным и объяснимым.

На истрийских монетах разных групп головы юных божеств часто изображены контрастно: одно лицо грозное, волосы на голове вздыблены, другое лицо спокойно, даже безразлично, волосы моделированы в виде локонов или расчесаны. Не исключено, что облик одного из богов — устрашающий — оформился под воздействием местной гето-фракийской традиции. Эта особенность подчеркнута вертикально-антиподальной композицией голов Кабиров-Диоскуров на истрийском серебре — они, как парные, перевернуты на 180° по отношению друг к другу. Другим памятникам фракийского искусства первой половины I тыс. до н.э. также свойственна антиподальная композиция. Это топо-

рики-амулеты с раздвоенным обухом, заканчивающиеся головами баранов, коней, птиц, украшения конской сбруи — бляхи, в основе композиции которых лежит солярный крест со сложенными концами — лошадиными головами. Такой крест повсеместен на истрийских монетах-«колесиках» (рис.6).

Очевидно, что семантика изображений на истрийских монетах отражает не только некий греко-фракийский ментальный симбиоз, но и конкретные историко-политические реалии. Сравнение аверсов серебряных монет Ольвии и Истрии указывает на противостояние двух греко-варварских объединений — скифско-ольвийского и фракийско-истрийского. Эта оппозиция в ольвийской чеканке серебра ясно выразилась в изображении Геракла как основного героя скифской этногонической легенды. Скифский Геракл, готовящий оружие к бою, противопоставлен Кабирам-Диоскурам. Такое толкование соответствует приведенным выше историко-археологическим наблюдениям.

Вернемся к двум Истриям — материнской,

к югу от Дуная, и, дочерней — Гавани Истриан. Напомню предположение, что двойное изображение на монетах означает две разных Истрии — город и его гавань. В нашем случае Гавань Истриан, превратилась к V в. до н.э. в крупный город на восточных границах гето-фракийского мира — во вторую Истрию. Двойное изображение истрийских голов конкретно на это указывает. Равно как и неодинаковость выражений их лиц. Так, устрашающий лик одного из близнецов символизирует и соответствующую военнополитическую функцию Гавани Истриан — готовность дать гневный отпор вооружающемуся Гераклу, т.е. скифам и Ольвии. Такой гнев естественен в условиях усиления скифского давления на запад.

На карте можно видеть, что о. Левке со святилищем Ахилла находится едва ли не точно в середине морского пути между двумя Истриями. Они симметричны друг другу и, при движении вокруг оси этой симметрии на о.Левке, оказываются в антиподальной оппозиции — в такой же, как и головы юношей на истрийских монетах. Эти юноши — Диоскуры — оберегают оба участка морского пути, которые сходятся у острова. Здесь мореплавателей, по свидетельству Арриана, защищает уже Ахилл. Покровительство Диоскуров усиливает на всем этом пути сотерические функции Ахилла, семиотически увеличивает надежность мореплавания в Северо-Западном Понте (рис.5).

Военный контроль над островом Ахилла был исключительно важен и для истриан, и для ольвиополитов. Но, видимо, осуществляли этот контроль именно истриане, причем на протяжении всего периода чеканки монет с Диоскурами-Кабирами — до 330-х гг. до н.э. После этого времени такая чеканка прекращается.

Истрия и Ольвия на весах судьбы Зопириона. Возможности воссоздания исторической ситуации в степях между Истром и Борисфеном во второй половине V и большей части IV вв. до н.э. столь же туманны, как и для времен Скила. Контуры событий по-прежнему размыты, неопределенны, они с большим напряжением научных усилий и воображения историков проглядываются при сопоставлении скурых сведений.

Мы не располагаем какими-либо нарративными источниками о Северо-Западном Причерноморье от момента казни Скила около 450 г. и до 331 г. — времени похода македонского военачальника Зопириона против Ольвии и скифов. Известие о походе, как уже упоминалось, донесено до нас Макробием — писателем первой половины V в. н.э. — более чем через восемь столетий после случившегося события.

Археологическая экспозиция между речья Днестра и Дуная — это поселения гето-фракийцев. Восточнее Днестра продолжают жить скифы. Их политическое влияние на западе было достаточно сильным. Фукидид писал, что с ними

«не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел». Очевидно, и после смерти Скила в Скифии продолжались династические распри. Смягчается, а затем и ликвидируется скифский протекторат над Ольвией.

С 440 гг. в Ольвии усиливается власть греческих тиранов (Виноградов 1989: 121 сл.), прекращается выпуск монет с Гераклом. Город становится членом Афинского союза. В 400-390 гг. происходит свержение ольвийской тирании и ликвидация скифского протектората. К власти приходят демократы. Возобновляется чеканка монет — литых оболов с изображением Горгоны и надписью **ΟΛΒΙΟ**. Ольвийская хора начинает возрождаться, возникает множество аграрных поселений. Очевидно стремление обновленного Ольвийского государства восстановить свое сельское хозяйство.

Скифы снижают свою активность в Побужье, зато она увеличивается на западе от Днестра. К концу V в. здесь появляются крупные могильники, которые существуют до начала III в. до н.э. Очевидно, в IV в. тут начинается оседание скифов на землю, усиливаются их контакты с фракийским населением Подунавья. Эти археологические наблюдения отражают ситуацию, сложившуюся к началу мощного движения скифов на запад во главе с царем Атеем во второй четверти IV в. до н.э.

Движение скифов на запад объясняется их вытеснением из причерноморских степей сарматами, памятники которых обнаруживаются на левобережье Днепра уже со второй половины IV в. до н.э. Возможно, из-за этого контроль над Ольвией был ими временно утрачен. При этом к западу от Днестра продолжают преобладать гето-фракийские поселения. Видимо, фракийское влияние здесь не ослабляется, несмотря на давление скифов. А если фракийское влияние связано с истрийским, то оно оказывается куда значительнее. Это ясно из наблюдений над топографией монетных находок.

Из всех крупных городов Северо-Западного Понта именно Истрии принадлежит ведущее место в монетной чеканке для середины V — второй трети IV в. до н.э. Истрийские монеты распространены на Нижнем Дунае и прибрежной полосе Черного моря вплоть до Днепра. Их картографирование позволяет видеть широкое проникновение истрийских монет в глубь всего этого региона (рис.5).

Если торгово-экономический контроль Истрии над прилегающими территориями кажется естественным, то широкое распространение истрийских монет к востоку от Днестра пока не получало удовлетворительного объяснения. Такое объяснение также станет естественным пос-

ле обнаружения нами крупного истрийского центра — Гавани Истриан. Однако сведения о монетных находках здесь документированы не вполне надежно.

Зато они надежны для Никония. Монеты Истрии V-IV вв. до н.э. явно преобладают. Из известных 800 экземпляров (Хейфец 1991: 106-108) более 700 — истрийские. Тира представлена 58-ю экземплярами, Ольвия — лишь 18-ю. При этом все истрийские монеты (в большинстве своем — «колесики») относятся к так называемому «автономному периоду», который датируется 360-330 гг. до н.э.

Окончание автономного периода (330 г.) совпадает с прекращением обращения истрийских монет к востоку от Днестра. С этой же датой связаны и тезаврации крупнейших кладов с истрийскими монетами — Орловского (у переправы через Дунай), Дороцкого (у переправы через Днестр) и двух кладов под Херсоном — Камышанского и Висунцовского (близ переправы через Днепр). Глядя на карту, легко убедиться, что все они зарыты примерно на одинаковом расстоянии от Никония и Гавани Истриан почти одновременно и также около 330 г. до н.э. (Загинайло 1976: 70-84) (рис.5).

Раскопками Никония установлено, что в конце третьей четверти IV в. до н.э. его жилые кварталы погибли в огне, а оборонительные сооружения были разрушены (Секерская 1989). Дата разрушений совпадает с датами тезаврации всех названных крупнейших кладов с истрийскими монетами, с исчезновением «колесиков» в Никонии и во всем регионе к востоку от Днестра. Ясно, что клады сохраняются, если спрятавшие их люди за ними не возвращаются. Видимо, не удалось вернуться и беженцам-истрианам из Никония и Гавани Истриан. Им не повезло. Зато повезло нам через два с половиной тысячелетия. Клады оказались не востребованными их владельцами, наверное, погибшими.

Вернемся к третьей четверти IV в. до н.э. Отмеченная западная активность скифов резко усиливается при царе Атее, который обратил на себя внимание древних авторов в связи со своей воинственностью — он воевал с царством Одрисов, с трибаллами, истриянами, пытался подчинить некоторые города западного Понта. В Истрии прослежены следы разрушений, произведенных, видимо, именно Атеем. Это не улучшило отношение истриан к скифам. Сдался скифам и город Каллатис, что подтверждается выпуском здесь в 343 году до н.э. монеты с изображением скифского всадника и именем Атея (Щукин 1991: 115).

Атей оказался во Фракии, когда на престол Македонии вступил Филипп II. При их военном столкновении в 339 году скифы были разбиты и покинули Добруджу, Атей погиб. Македония подчинила все фракийские земли к югу от Дуная. С приходом к власти Александр в 335 г. совершает поход против гетов и трибаллов на левобережье Дуная.

Скифов здесь к тому времени уже не было. Александром был замирен весь гетофракийский этнокультурный массив, в который входили и истриане. Последние вряд ли сохранили благодарность к скифам после разгрома Атеем их города. Истрия, как и другие западно-понтийские города, подчинилась Александру и его фракийскому наместнику Зопириону. Она стала союзником македонян. Это, в частности, позволило Александру начать свой великий поход на Восток уже в следующем, 334 г. до н.э.

Другой поход — вдоль северного побережья Черного моря — был задуман Александром, видимо, как встречный. Македонский царь сначала планировал создать свою империю, объединив все земли вокруг Черного и Каспийского морей. Поход на Восток через евразийские степи возглавил Зопирион. Он выступил в 331 г. до н.э., когда сам Александр уже был в Месопотамии.

Задача, стоявшая перед Зопирионом, видимо, была аналогична задаче Александра, который, прежде чем двинуться вглубь Азии, должен был замирить ионийские города. Это ему удалось — один лишь Милет, материнский город понтийских полисов, оказал сопротивление. Однако Александр взял его штурмом, открыв себе дорогу на Восток.

Судя по всему, Зопирион в своем движении вплоть до Гипаниса и осады Ольвии не встречал сопротивления. Это объяснимо лишь предположением, что истриане, союзники македонян, контролировали весь путь от Дуная до Гавани Истриан на суше и на море — до западной границы Ольвийского полиса.

Еще ранее македоняне установили антиольвийские сношения с Херсонесом. В середине IV в. до н.э. отмечается македонское влияние на нумизматику Херсонеса и Керкинитиды на фоне их конфликта с Ольвией. В третьей четверти IV в. ольвиополиты изгоняются из Крыма. Не исключено, что антиольвийская деятельность Херсонеса и Истрии была взаимосвязана (Павленков 1996: 80-82).

К началу похода Зопириона Ольвия, таким образом, оказывается окруженной греческими полисами, союзными македонянам. Ее единственными союзниками оставались лишь отброшенные еще Филиппом от Дуная скифы. Одна лишь Ольвия стояла на пути Зопириона на Восток в 331 году. Видимо, это препятствие не казалось ему существенным — он не мог не знать о победе Александра над Милетом.

Топография истрийских монет к востоку от Днестра перед походом Зопириона — нумизматическая иллюстрация подготовки македонской экспансии. Их количество в Никонии столь велико, что производит впечатление истрийского «плацдарма» и показывает направление македоно-истрийского удара против Ольвии, планируемого к концу 330-х гг. Очевидно, плацдармы готовятся в Никонии и в Гавани Истриан. Они

Рис.7. Письмо Зопириону на остраконе от изменников из осажденной Ольвии

обеспечивали беспроблемное продвижение македонской армии к Ольвии (рис.5).

Но у Зопириона ничего не получилось. Макробий пишет, что «борисфениты, осаждаемые Зопирионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства и смогли выдержать осаду врага».

Свидетельство Макробия подтверждается экстраординарным декретом в честь Каллиника, который, «будучи мужем прекрасным и добрым», награждается огромной денежной суммой в 1000 золотых и постановкой бронзовой статуи за выдающиеся деяния и услуги, оказанные городу в крайне тяжелое время. Благодаря действиям Каллиника — отмене долгов и обложения, освобождения рабов — были мобилизованы все силы на оборону и Ольвия спасена от македонского завоевания (Виноградов 1989: 152).

Во время осады положение Ольвии было отчаянным. Помимо дипломатической и военной блокады, в городе действовала «пятая колонна». Это подтверждается находкой близ Ольвии амфорного остракона — письма, переданного через ольвийского изменника Никофана, в котором некто дарит Зопириону коня и просит инструкций от осаждающих в блокадный город (Виноградов, Головачева 1990: 15-29) (рис. 7). Измена была раскрыта — сохранились археологические следы расправы с предателями в виде коллективного захоронения из 52 человек (включая детей), побитых камнями и расстрелянных из лука (Виноградов 1989: 163).

Славная победа ольвиополитов, видимо, потрясла их самих. Это подтверждает другой декрет, сохранившийся на постаменте от конной статуи с о. Левке. Этот декрет синхронен предыдущему и относится к 30-20 гг. IV в. до н.э. Он также связан с награждением некого лица

(Каллиника?). Это лицо изгнало захвативших священный остров [кого-то] и бывших с ними, затем прибыло в Ольвию и оказало много важных услуг ее народу. Для составителей декрета главным деянием в жизни умершего было очищение острова — именно за это народ ольвиополитов ставит на Левке его конную статую. В содержании декрета сквозит гордое желание показать всем грекам, как самоотверженно печется о благополучии священного острова Ольвия, которая считает при этом Левку священной землей и храмом всех эллинов.

В дошедшей до нас части декрета не указывается, от кого именно был очищен остров. Ю.Г.Виноградов полагает, что от пиратов. Однако победа лишь над пиратами не может так высоко оцениваться. Более вероятно, что владели островом именно македоняне и союзные им истриане. Победе именно над ними обязан Каллиник таким почестям. Они беспрецедентны — огромная сумма в 1000 золотых, бронзовая статуя в Ольвии и высшая мыслимая честь — конная статуя во всеэллинском святилище Ахилла. По уровню социальной оценки заслуг перед государством такую честь можно сравнить разве что с мавзолеем В.И.Ленина на Красной площади. Ясно, что заслуги Каллиника были для Ольвии исключительными — он спас свой город и народ в ситуации, быть может, самой опасной за всю его историю.

Выясняя все эти обстоятельства, трудно невольно не восхититься подвигами Каллиника. Действительно, шансы Ольвии на спасение были ничтожны. К тому же город тогда еще не имел стен вдоль Гипаниса. Поэтому ольвийский флот должен был нейтрализовать флот противника, основной базой которого могла быть Гавань Истриан. Ясно, что во время осады ольвиополитам было не до острова Левке. Однако, как только они с помощью Каллиника сумели отстоять независимость отечества от страшного врага, они первым делом ринулись вызволять святыню, отправив на остров Ахилла экспедицию военных кораблей во главе с доблестным ольвиополитом.

По словам римского писателя II в. н.э. Юстина, Зопирион погиб, «поплатившись за необдуманное начатие войны с неповинным народом», где-то на Дунае. Вероятным археологическим свидетельством его гибели может служить находка парадного оружия с метками его греческих владельцев у с. Олэнешть, которое могло принадлежать офицерам македонского военачальника (Виноградов, Головачева 1990: 16).

Другим археологическим свидетельством гибели Зопириона является и упоминавшийся выше клад кизикских статов у села Орловка, также близ дунайской переправы. 330-е годы до н.э. — наиболее вероятное время его зарытия. В этом же время зарыты и клад с истрийскими монетами у с.Дороцкое у переправы через Днестр, и два клада истрийских монет под Хер-

соном, у переправы через Днепр. Тогда же мог быть разрушен и Никоний — опорная база истриан и Зопириона в войне против Ольвии.

Гавань Истриан, видимо, разделила участь Никония. После поражения Зопириона и разгрома от ольвиополитов под Левке, город потерял флот и оставался беззащитным. Однако его разрушение, как впрочем, и Никония, было для ольвиополитов бессмысленным — им было гораздо выгоднее получить готовые опорные пункты на западе. Вероятно, что Никоний и Гавань Истриан разграбили союзные с ольвиополитами скифы. Такая месть победителей за смерть Атея и последующие унижительные поражения кажется наиболее естественной.

Несчастные жители Гавани Истриан и Никония оставили клады у переправ через Днепр, Дунай и Днепр — они бежали от скифской расправы к гетам, фракийцам и в Крым, к херсонеситам, бывшим союзникам македонян. Эти беглецы не сумели вернуться за своими сокровищами. А отношения Ольвии и Херсонеса после гибели Зопириона налаживаются, сама же Ольвия расцветает. Очевиден ее экономический и политический подъем. Победа над врагом отразилась и в монетной чеканке — в эмиссии золотых статеров с изображениями бога Борисфена и скифского оружия. Этой символикой Ольвия наглядно противопоставляет свою совместную со скифами победу над Истрией — над Диоскурами, и над Македонией — над олимпийской символикой монет Филиппа и над крылатой Никой статеров Александра. Такая чеканка — своеобразная декларация независимости города, устоявшего перед армией, превышавшей количество его населения. Послезопирионовский период стал апогеем развития Ольвийского полиса.

Поражение Зопириона определило и выбор Александра Македонского, который отказался от своих прежних эйкуменических планов. Теперь он направился в Индию. Начинаются переговоры со скифами, которые также были заинтересованы в прекращении конфликта, поскольку затеяли войну с Боспором. Скифские послы посещают восточную ставку Александра. Ответное посольство побывало в Северном Причерноморье. Находки здесь наборов скифского золотого оружия — ножен мечей и горитов, выполненных греческими мастерами, связываются с подарками, которые послы Александра раздавали скифской знати.

Судьбы побежденных Никония и Гавани Истриан туманны. Археологические исследования Никония показывают, что город после разгрома восстанавливается, но уже никогда не достигает своего прежнего расцвета. Видимо, с Гаванью Истриан произошло нечто подобное. Тем более, что море неуклонно наступало на разрушенный скифами город. Однако жители в нем оставались вплоть до II в. н.э., когда он был отмечен в Перипле Арриана. Находки же облом-

ков посуды римского и черняховского времени в наших раскопах пока позволяют предполагать, что поселок здесь существовал до конца IV в. н.э. Видимо, он окончательно погиб во времена гуннского нашествия, разделив тем самым участь остальных северопонтийских античных городов.

Удивление неожиданностью. Впечатление от неожиданной находки — считанных обломков античной посуды на месте основания Одессы — породило попытку дать им удовлетворительное объяснение. В нашем случае оно могло быть единственным — это остатки богатого некрополя. Такой некрополь мог образоваться лишь при богатом и крупном городе. Этот город можно было искать только в море — и действительно, палеогеографические наблюдения за изменением береговой линии в районе Одессы удовлетворительно объясняют его бывшее существование. Вся археологическая ситуация становится упорядоченной, она может быть проверена в связи с изложенной гипотезой. Частично это удалось сделать под Воронцовским дворцом.

Так античный город под Приморским бульваром стал фактом. И об этом городе прекрасные знали его современники.

В своей «Автобиографии» Р.Дж.Коллингвуд делится опытом обращения с источниками. Это опыт «палача». Ученый должен «пытать» свою жертву, задавать ей парадоксальные вопросы, устраивать «очные ставки» с другими источниками. Если «пытать» умело и профессионально, то источник обязательно «сознается». Его нужно лишь настойчиво «истязать», не доверять и не оставлять в покое (Коллингвуд 1980: 237-268, 321-415). Речь идет о детективном стиле исторического рассуждения, который на языке современной поэтики именуется «метонимическим» — изучение деталей, замещающих целое. Значимость каждой детали превращает ее в существенную часть исторической обстановки, деталь как бы подается крупным планом. Это позволяет воссоздавать прошлое на основании лишь некоторых, не замеченных ранее подробностей.

Так, «пытая» Геродота, можно увидеть, почему он «не заметил» Гавань Истриан: она была для него такой же очевидностью, как и Ольвия, которую он, как выясняется, тоже не очень заметил. Геродот описывает лишь удивительные события и деяния. А греческие города для него ничем не удивительны — как и для всех его читателей. Поэтому он вообще не уделил им внимания. Для Геродота было совершенно ясным все то, что мы сегодня выясняем с таким трудом — мотивы поведения Скила, его истрийская и проафинская ориентация, соперничество Истрии и Ольвии, скифов и фракийцев, династическая борьба за власть в Скифии, коварство ольвиополитов, бегство Скила из Гавани Истриан во Фракию, поведе-

ние Ситалка и Октамасада. Все это — повседневный исторический фон, естественный для современников «Отца истории».

Лишь на этом фоне соперничества Истрии и Ольвии, скифов и фракийцев получает удовлетворительное объяснение и изображение Диоскуров-Кабиров на истрийских монетах, и скифская символика на серебряных ольвийских монетах. Восточная экспансия истриан объясняет широкое распространение истрийских монет к востоку от Днестра. Понятно, почему именно Никоний и Гавань Истриан становятся истрийско-македонскими опорными пунктами в войне против Ольвии и скифов и, видимо, военно-морскими базами Зопириона. Также удовлетворительно объясняется одновременность тезавражи Орловского, Дороцкого и Висунцовского кладов, гибель Никония, битва за остров Левке, прекращение обращения истрийских монет к востоку от Днестра после 330 года до н.э., расцвет Ольвии и выпуск ею золотых статов с антимакедонской символикой. Как и мы, древние греки мыслили совершенно конкретно в своей системе культурных предпочтений, сим-

патий и политических ориентаций. Очевидно, следует стараться задавать им вопросы не в нашей, а в их системе культурного мышления. Тогда и ответы на них станут вразумительными.

Опыт археологических исследований в других городах показывает, что даже при непрерывающейся веками перестройке сохраняется до 30-40% древнейших культурных напластований. Это, например, доказано в Лондоне. Одесса в этом смысле более перспективна — здесь строительство ведется лишь два столетия, причем планировка городских кварталов осталась почти без изменений. И вероятность сохранности предшествующих культурных слоев очень высока.

Видимо, не случайно будущие одесситы екатерининских времен выбрали для своего города то оптимальное место, где более чем два тысячелетия тому назад расцветал его античный предшественник. Как не случайно, что подготовка школьного сочинения по истории Греции стала поводом удивиться неожиданным археологическим находкам. Это привело к началу раскопок античного города под Приморским бульваром.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. 1982. Семантика аверсного типа серебряных истрийских монет V-IV вв. до н.э. // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.
- Андрух С.И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. Запорожье.
- Бруяко И.В., Карпов В.А. 1992. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху // ВДИ. №2.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила // СА. N3.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса. VII-I вв. до н.э. М.
- Виноградов Ю.Г., Головачева Г.В. 1990. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. — Кишинев.
- Геродот. 1972. История в 9 книгах. Л.
- Грейвс Р. 1992. Мифы древней Греции. — М.
- Губарь О.И., Добролюбовский А.О. 1996. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. ТД конференции. Одесса.
- Диамант Э.И. 1976. Поселение и могильник V—III вв. до н.э. на месте Приморского бульвара в Одессе // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып.8. — Киев.
- Добролюбовский А.О., Красножон А.В. 1997. Древнегреческий город — Гавань Истриан — на месте Одессы // Археологические изыскания, вып.42. — Новые исследования археологов России и СНГ. — Материалы Пленума ИИМК РАН. Санкт-Петербург.
- Загинайло А.Г. 1976. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н.э. по нумизматическим данным // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Вып.8. — Киев.
- Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. Киев.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев.
- Коплингвуд Р.Дж. 1980. Идея истории. Автобиография. М.
- Коциевский А.С. 1995. О коллекциях и коллекционерах. Одесса.
- Красножон А.В. 1997. Раскопки на Приморском бульваре в Одессе // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. ОАМ НАНУ.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1993. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев.
- Павленков В.И. 1996. Начало македонской экспансии в Причерноморье // Древнее Причерноморье. III чтения памяти П.О.Карышковского. Одесса. С.80-82.
- Секерская Н.М. 1989. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э. Киев.
- Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.
- Хейфец С.В. 1991. Некоторые вопросы экономических связей Никония по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. II Чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса.
- Щукин М.Б. 1991. Машина времени и лопата. Кишинев.